

ПРОЛЕТАРСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ

ежемесячная марксистская газета

н. 141, июнь 2026

Капиталистический хаос и искусственный интеллект

Может показаться удивительным, что францисканец Паоло Бенанти опирается на нейронауку в теориях Дэвида Иглмана, в которых отзывается материалистическое концепция сознания. Объяснение, вероятно, кроется в том, что Иглман называет себя *поссибилистом* — не слишком удачным неологизмом, с помощью которого он стремится отличаться как от *атеизма*, так и от *агностицизма*: мы знаем об этом слишком мало, и наука должна оставлять открытыми несколько вариантов одновременно. По мнению Энгельса, агностицизм — это *материализм, который стыдится*, а ученый как таковой — материалист: однако за пределами своей области он переводит своё невежество на греческий и называет это *агностицизмом*. Иглман стремится быть ещё более осторожным, и тогда становится понятно, что религия видит для себя лазейку в тех *возможностях*, которые остаются открытыми. К тому же Бенанти высказываетесь весьма прямо, когда в газете *“Die Zeit”* анонсирует энциклику Льва XIV об искусственном интеллекте (ИИ) и дает понять, что был одним из её консультантов. Перед лицом угроз *человеческому достоинству* и *будущему труда* Римская Церковь предлагает учение своей *социальной доктрины*, как это было в случае с энцикликкой *«Rerum Novarum»* Льва XIII в связи с потрясениями, вызванными промышленной революцией. Что касается среды Кремниевой долины с её верой в всемогущество технологий, то и там *существует огромная потребность в духовном руководстве* и *поэтому это хорошее место для евангелизации*. Стремление создать бога с помощью машины свидетельствует о том, что *в их жизни чего-то не хватает*, а идея *трансгуманизма*, предполагающая победу над смертью с помощью кибернетики, является их *замещающей религией*.

Даже не углубляясь в открытия и гипотезы *нейробиологии* — молодой и быстро развивающейся дисциплины — нельзя не признать, что телевидение и новые *медиа* в сети оказывают решающее влияние на работу мозга. Мы уже знакомы с взглядами Генри Киссинджера, ещё до того, как разгорелись споры об искусственном интеллекте. Сегодня *человеческое сознание формируется через беспрецедентный фильтр*; телевидение, компьютеры и смартфоны вынуждают нас практически постоянно взаимодействовать с экраном в течение всего дня; *человеческие взаимодействия в физическом мире неумолимо вытесняются в виртуальный мир подключенных к сети устройств*.

Именно с формированием и стабилизацией нейронных сетей у подростков связана большая часть противоречивых мнений о том, следует ли ограничивать использование мобильных телефонов в подростковом возрасте. Этот вопрос имеет как биологическую, так и социальную основу. Подростковый возраст — это период *«нейронной бури»* в мозге, когда связи, сформированные в детском возрасте, либо устраняются, либо перестраиваются. Полное развитие мозга завершается примерно к 21 году; только тогда заканчивается миелинизация лобных долей, то есть полностью формируется та часть коры головного мозга, которая отвечает за сбалансированность поведения. Поэтому в целом имеет смысл размышлять о влиянии сети и смартфонов на *развивающийся мозг*, так же как имеет смысл задаться вопросом, можно ли оставлять эти мозги на откуп процессам, движимым хаосом рынка и слепым интересом капитала. Достаточно вспомнить о приложениях цифровых платформ, созданных для того, чтобы монополизировать внимание, которое они при этом фрагментируют, нанося ущерб способности

к размышлению и концентрации, в интересах рекламного рынка и интернет-торговли.

Этот вопрос, безусловно, имеет пропагандистский аспект в контексте конкуренции между компаниями отрасли и между отраслями. Позиционирование себя как этически ответственной компании в свете последствий развития сетей и искусственного интеллекта становится своего рода *«знаком качества»*, которым можно похвастаться, наравне с определенными экологическими или социальными гарантиями в отношении продукции и производственных процессов. Готова ли правящая элита допустить, чтобы умы молодого поколения превратились в *«жидкий мозг»*? Сможет ли она установить правила в сфере ИИ?

В целом ситуация вызывает сомнения; ящик Пандоры уже открыт. На первый план выходят как слепая конкуренция капиталов, так и, в военной сфере, необходимость противостояния друг другу: раз военное применение искусственного интеллекта уже стало реальностью, ни один из соперников не сможет от этого уклониться.

В определенных сферах регулирование возможно. В других исторических ситуациях правящий класс доходил до того, что накладывал на себя ограничения во имя своих коллективных интересов. Не без внутреннего сопротивления и жестких сражений со стороны пролетариата она согласилась законодательно ограничить рабочий день и детский труд, когда промышленная революция привела к тому, что три поколения сгорели за одно. Она установила санитарные нормы, когда антисанитарные

рабочие кварталы стали рассадниками эпидемий, угрожавших буржуазии.

В то же время риторика реформистов или религиозных деятелей о том, что новое поколение находится в опасности, не может заставить забыть, что капиталистическое общество без колебаний посылало своих молодых людей на смерть, опираясь в рамках *«Священного союза»* на социал-патриотизм и получая поддержку в окопах от военных капелланов.

Из 100 миллионов погибших в империалистических войнах XX века, по подсчетам, 30 миллионов составляли молодые люди. Франция Третьей Республики, после поражения в 1870 году под Седаном в войне с Германией, пришла к убеждению, что секрет немецкой победы заключался в *прусском школьном учителе*, который повысил качество человеческого материала, бросаемого в огонь конфликта. Законы Жюлья Ферри, заложившие основы светского, обязательного и всеобщего образования, были проектом *«национальной силы»* и сознательно *«военной силы»* для *«реванша»* посредством подготовки и организации молодежных резервов.

Сегодня мы задумываемся о том, как умы поглощаются навязчивым взаимодействием с мобильными телефонами. Но буквально на войне молодых людей обучали и продолжают обучать, чтобы отправить их убивать и погибать в окопах. Нет более яркого примера, касающегося мозга и его потенциала, чем капиталистическое общество, обреченное на то, чтобы развивать производительные силы, а затем уничтожать их.

Lotta comunista, май 2026 г.

Содержание

Капиталистический хаос и искусственный интеллект
Пекин проявляет двойственность в отношении G2
и выбирает временную стабильность
Пекин у станка

стр. 1
стр. 2-3
стр. 4

Пекин проявляет двойственность в отношении

Калькуттская газета “The Telegraph” говорит о «*нарушении с принципом послевоенного пацифизма, которого Япония и Германия придерживались на протяжении десятилетий*». Газета Западной Бенгалии была основана в 1982 году Авееком Саркар, бывшим учеником сэра Гарольда Эванса в лондонской Sunday Times. В редакционной статье затрагиваются некоторые аспекты, которые полезно отметить.

Прежде всего, существует психологическое измерение кризиса порядка. Идеологии послевоенного порядка, навязываемые побежденной буржуазии Германии и Японии на протяжении десятилетий, пронизывали все общество, пока не стали реальными силами, определяющими сами немецкий и японский правящие классы; но сегодня их пересмотр, в свою очередь, навязывается неравномерным развитием, которое в долгосрочной перспективе было экономическим, политическим и военным. *Zeitenwende*, смена эпохи, которая в условиях ускоренного перевооружения потрясает весьма сдержанные политические культуры в вопросах войны и военного насилия.

В Токио правительство Санаэ Такаити приступило к пересмотру аппарата безопасности и традиционной оборонной политики с целью увеличения расходов и пересмотра очень деликатной ядерной позиции. В Берлине впервые со времен Второй мировой войны принята «*дорожная карта*» перевооружения с целью превратить Бундесвер в самые мощные регулярные вооруженные силы в Европе к 2039 году. В обоих случаях бремя пацифистской традиции переосмысливается и трансформируется, но это также является «*сигналом*» для всех держав, который ощущается и в Индии: выход Токио и Берлина из статуса стратегического и военного подчинённости, в который их низвела Вторая мировая война (и который сохранялся даже во время мирового противостояния 1980-х и 1990-х годов), является показателем интенсивности кризиса порядка.

По мнению Куни Мияке, бывшего советника премьер-министров Синдзо Абэ и Фумио Кисиды, Япония снова приближается к статусу «*нормальной страны*». В Берлине уделяют явное внимание беспрецедентным последствиям, которые немецкое перевооружение может иметь для европейского порядка.

Лиана Фикс — старший научный сотрудник по вопросам Европы в американском Совете по международным отношениям (CFR). Во время недавнего визита в Вашингтон канцлер Фридрих Мерц захотел встретиться с ней в частном порядке, чтобы обсудить тезисы о возвращении германской военной мощи в центр Европы. Немецкая исследовательница пишет в “Foreign Affairs”, что Германия должна успокоить своих европейских партнеров, приняв на себя огромный общий долг по обороне в качестве компенсации за немецкое перевооружение. Точно так же «*для воссоединения Восточной Германии Гельмут Коль обменял немецкую марку на евро, отказавшись от валютного суверенитета Берлина*». В новых условиях немецкого вопроса канцелярия не должна недооценивать разделяющие эффекты «*непроизвольной гегемонии*», присущей темпам и беспрецедентному масштабу перевооружения; эту перспективу Мерц хотел бы опровергнуть, встретившись с авторкой.

По мнению Фикс, парадокс заключается в том, что Германия — единственная европейская держава, обладающая бюджетными финансовыми возможностями для поддержки перевооружения континента. «*Однако Берлин должен признать риски, связанные с его силой, и*

сдерживать немецкую мощь, более глубоко интегрируя ее в европейские военные структуры». На протяжении десятилетий военное присутствие США в Европе смягчало немецкую дилемму, но сегодня Белый дом ставит это под сомнение; не помогает и то, что Берлин, похоже, отдает предпочтение национальной оборонной промышленности, сдерживая дальнейшую европеизацию военных расходов. Тем не менее, опасения по поводу военной и промышленной гегемонии Германии глубоко укоренились: «*Парижу не нравится идея того, что Германия станет военной державой Европы, потому что он считает, что это роль Франции*». «*Некоторые польские чиновники опасаются, что могущественная в военном отношении Германия однажды почувствует себя свободной для восстановления дружеских отношений с Россией*». Вместо этого в интересах Вашингтона — возможно, это и есть истинный вывод, адресованный американской общественности — избежать фрагментации Европы, которая в конечном итоге отвлекла бы США от азиатского вызова. Но это противоречит беспорядочным угрозам администрации Трампа о выходе из международных обязательств и, прежде всего, поддержке европейских суверенистских партий, заявленной в Стратегии национальной безопасности США. Без особых реакций, однако, среди сторонников атлантизма.

Бремя кризиса репутации Америки — это второй аспект, выделенный “Telegraph” в ускорении европейского и азиатского перевооружения. У Токио есть основания беспокоиться из-за Китая, России и Северной Кореи, ядерных держав; Германия встревожена войной России против Украины. Но «*есть еще одна причина*»: осязаемое изменение позиции Соединенных Штатов. Изоляционистский, транзакционный и непредсказуемый американский президент заставил Токио усомниться в том, что Вашингтон будет соблюдать все обязательства по Договору о безопасности между США и Японией. Точно так же у Берлина были основания для беспокойства по поводу враждебного отношения Дональда Трампа к НАТО: условный выход США из обязательств Альянса больше не является невысказанным. «*Таким образом, новые позиции Токио и Берлина в вопросах обороны являются прагматичными. Но они также свидетельствуют о глобальном разочаровании в правилах и моральных императивах*».

Речь идет не столько о морали, сколько о доверии к американскому ядерному зонтику и отказе — намеренном или нет — от стратегического понимания альянсов, которые на нем основывались, то есть предотвращения стратегической и ядерной автономии Европы и Японии.

Таким образом, кризис, вызванный самими США в отношении расширенного сдерживания, которое они гарантировали, помогает объяснить перевооружение союзников в ядерной сфере, сочетаясь с тремя особенностями процесса в Германии и Японии: амбивалентным характером обычных высокоточных ракет; условиями ядерного порога Германии и Японии; наконец, специфическим условием европейского порога Германии, учитывая возможность быстрого перехода к европейскому сдерживанию с Францией и Великобританией после принятия политического решения. Это то, что мы обобщили в новых чертах кризиса ядерного порядка, то есть беспрецедентного изменения баланса сил, введенного в плоскость сдерживания.

Здесь две динамики — европейского и японского перевооружения — дополняют друг друга. В газете мы документируем пересмотр Стратегии национальной безопасности

Страны восходящего солнца. Тимоте Альбессар — научный сотрудник Центра по вопросам разоружения, науки и технологий Японского института международных отношений (JIA); он входит в состав экспертной группы по пересмотру Национальной стратегии безопасности (NSS), но пишет о французском сдерживании; это способ обсудить японское сдерживание в рамках типично японской игры в «*ширма*».

Выступление Эммануэля Макрона 2 марта на военно-морской базе Иль-Лонг, где размещаются атомные подводные лодки, считается «*крупнейшим доктринальным поворотом в ядерном сдерживании Франции с момента окончания холодной войны*», имеющим существенные последствия для европейской безопасности и «*глобального ядерного порядка*». Среди факторов изменений упоминается ядерное перевооружение Китая. Но именно «*ненадежность*» обязательств США в Европе и разрушение архитектуры контроля над вооружениями — с прекращением действия договоров ABM, INF и New START, потенциальным возобновлением ядерных испытаний и отказом Китая от начала каких-либо переговоров — привели Макрона к суровому выводу, что «*поле правил превратилось в поле руин*». Это вынуждает Францию занять более твердую позицию в отношении своей доктрины и ядерного арсенала. Вкратце, «*перенастройка французского потенциала сдерживания в условиях более нестабильной эпохи*».

Макрон подтверждает некоторые ключевые принципы ядерной доктрины, начиная с твердости в отношении применения атомного оружия в случае необходимости, но подчеркивает эту убедительность, подчеркивая его разрушительную силу в необычайно конкретных выражениях: «*Одно из наших подводных лодок, как та, что позади меня, обладает огневой мощью, эквивалентной сумме всех бомб, сброшенных на Европу во время Второй мировой войны. Это почти в тысячу раз больше мощности первых атомных бомб*». По мнению Альбессара, яркий образ возможного разрушения позволяет преодолеть абстрактные ссылки на «*неприемлемый ущерб*», которым традиционно угрожает французская ядерная доктрина противникам, посягающим на жизненно важные интересы Франции, заменяя их более неопределенной и более угрожающей формулировкой «*ущерб, от которого [противники] не смогут оправиться*». Возможно, добавим мы, здесь также есть намек на MAD, взаимно гарантированное уничтожение, что подразумевает способность обеспечить сдерживание даже без Соединенных Штатов.

Это понятие подразумевает усиление логики достаточной обороны: способность, воспользовавшись французским выражением, «*оторвать руку*» потенциальному агрессору, сделав цену нападения несоразмерной любой возможной выгоде. Новая формулировка, однако, подразумевала бы способность нанести ответный удар, ведущий скорее к необратимому опустошению, — во всяком случае, к последствиям, выходящим далеко за пределы гипотетической потери противником одной лишь руки. Это имеет глобальные последствия как в плане обращения к французской модели любой новой державы, стремящейся обзавестись бомбой, так и в плане сравнения с китайским ядерным перевооружением, которое обвиняют в отказе от принципа «*достаточной обороны*» в погоне за огромными арсеналами России и США. Адаптация французского потенциала сдерживания к уровню глобального противостояния является показатель-

ной как с точки зрения повышения порога ядерного конфликта между великими державами, так и в связи с подтекстом, лежащим в основе подъема азиатских гигантов в эпоху континентальных держав. С другой стороны, именно анализ перевооружения Китая требует осторожности, поскольку Пекин не намерен отказываться от достаточности, а скорее гарантировать себе возмездие и в любом случае соразмерить понятие достаточности со стратегическими обязательствами своей империалистической проекции.

Макрон также заявил, что «*укрепление французского арсенала является необходимым*», по словам Альбессара, отходя от принципа «*строгой достаточности*». Отчасти это оправдывается концепцией «*продвинутого сдерживания*», основанной на «*европейском измерении*» жизненно важных интересов Франции. Эта концепция развивается на основе предложения о развертывании *Force de frappe* в Европе и просьбы о конвенциональной «*поддержке*» Франции со стороны других европейских держав в области раннего предупреждения, противовоздушной обороны и глубокого высокоточного ракетного удара. Таким образом, отметим, что расширение французского арсенала предполагает его европеизацию, и это, скорее, указывает на предпосылки европейской достаточности.

В Токио, с другой стороны, отмечают, что акцент Макрона на обычных возможностях как неотъемлемом компоненте сдерживания очень выражен и беспрецедентен, сочетаясь с «*возможностями глубокого удара для ответных и наступательных действий*». Япония оснащается аналогичными ракетными средствами, и именно ядерные дебаты в Германии проливают свет на их стратегические последствия. Дискуссия началась с решения Трампа отозвать американские ракеты средней дальности, размещенные Джо Байденом в Германии. По мнению *Financial Times*, это обнажило уязвимость европейского сдерживания, одновременно продемонстрировав новый характер обычных возможностей нанесения точных ударов в глубине территории, которыми Европа пренебрегала, полагаясь на американские поставки. Говорят, что в ходе своего развития эти системы стали частью ядерного сдерживания, предоставляя возможности для «*предстратегической*» эскалации в случае крупномасштабного конфликта и приобретая сдерживающий характер с возможным применением «*контрсилы*», то есть атаки на стартовые базы противника.

В немецкой дискуссии использовалась формула «*конвенционального сдерживания*», а в японской — «*стратегического конвенционального сдерживания*», для описания серой зоны, в пределах которой действуют так называемые «*возможности контратаки*» большой дальности. В Берлине, как уже упоминалось, это также сохраняет дополнительную степень амбивалентности из-за возможного сочетания со средствами сдерживания Парижа и Лондона, а также из-за порогового условия Германии; это условие, впрочем, действует и в Токио.

Следует добавить, что уязвимость Европы усугубилась в результате денонсации в 2019 году Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД), который запрещал обладание и производство баллистических и крылатых ракет с дальностью действия от 500 до 5500 километров.

Яна Пульберин из ECFR напоминает в “Frankfurter Allgemeine Zeitung” о размещении российских ракет «*Искан-дер*» в Калининграде уже в 2018 году, к

G2 и выбирает временную стабильность

которым в 2022 году присоединились истребители, оснащенные гиперзвуковыми ракетами с дальностью действия 2000 км. В 2024 году Байден договорился с Берлином о размещении ракет Tomahawk, SM-6 и гиперзвуковых ракет Dark Eagle, начиная с 2026 года, в рамках пяти многодоменных оперативных групп, созданных после выхода из ДРСМД; первоначально они должны были быть размещены в США, Европе и Азиатско-Тихоокеанском регионе, здесь они были бы направлены против Китая, а системы Турхооп были бы временно установлены на Филиппинах и в Японии. Тем временем в Европе был запущен проект ELSA (European Long-range Strike Approach) по производству европейских высокоточных ракет с 2030 года. По немецким планам, американские евrorакеты должны были закрыть окно уязвимости этого пятилетия. Выход Трампа из договора в качестве возмездия за отсутствие поддержки войны в Персидском заливе со стороны Европы не был предусмотрен. Однако США не могут легко действовать на Ближнем Востоке без европейских баз, а Европа не может сдерживать Россию без американских ракет. Новые *linkage* для преодоления кризиса порядка.

Старый континент ищет буферные решения. “Die Welt” предполагает совместные предприятия с американскими производителями; “FAZ” — с новыми украинскими компаниями, и не исключает сотрудничества с Японией. Другими решениями могут стать закупки у США или переоборудование французских и британских морских ракет. Новой чертой цикла перевооружения является промышленная конвергенция между Европой и Японией, настоящий канал европейского военно-политического влияния на Востоке. Наконец, еще одним результатом передислокации американских войск станет ускорение европейского перевооружения.

План немецкого перевооружения указывает на множественные аспекты, которые может принять противостояние держав, постепенно ускоряемое развертыванием военных средств. Планы перевооружения предусматривают, что Бундесвер сможет сдержать Россию в 2029 году, приобретет достаточную численность в 2035 году (и можно предположить, что к тому времени будет рассмотрено соотношение между добровольной и обязательной военной службой) и будет технологически превосходить ее в 2039 году: расплывчатая формулировка, напоминающая китайскую формулировку о силе мирового класса, ожидаемой к 2035 году. Можно предположить, что существует связь со сроками, обозначенными в евро-российских отношениях, прерванных войной в Украине, и с выводом войск США, вопросом, который, по данным “Die Zeit”, рассматривается в секретной части плана. С другой стороны, само собой разумеется, что перспектива европейского ракетного перевооружения откроет важнейшее окно для переговоров с Москвой, начиная с соответствующего развертывания: любое перевооружение — это предложение или требование о переговорах.

Именно это предполагалось в доктрине Макрона, где цель европейской автономии в ракетной и ядерной сфере предполагала аналогию с битвой 1980-х годов. Тогда Гельмут Шмидт поддержал размещение американских евrorакет в Европе в рамках переговоров между США и СССР по «нулевому варианту», то есть по выводу российских вооружений в обмен на отмену западного развертывания и, следовательно, удаление ракет средней дальности двух сверхдержав с европейской территории.

Ключевым отличием стала бы установка европейской ракет, то есть евро-евrorакет, для открытия беспрецедентного стратегического диалога между Европой и Россией. Тогда следовало бы оценить реакцию Америки на такое непреднамеренное последствие трампаизма. Это третий элемент, выделенный в редакционной статье *Telegraph*: отголоски колебаний и потрясений американского упадка распространяются во всех направлениях.

Решение вывести 5000 человек и отказать от размещения ракет в Германии сочетается с текущим военным пересмотром в Токио и отражается в Калькутте и Нью-Дели, где проводится переоценка американского направления индийской многосторонней выравнивания, считаемого «слишком прерывистым и неопределенным».

На протяжении как минимум тридцати лет, начиная с войны в Персидском заливе 1991 года, США работали над тем, чтобы оставаться в центре всех отношений. Сегодня этой центральной роли бросает вызов Китай, новая восходящая Срединная империя, которая разрушает старую систему отношений и претендует на то, чтобы быть непреодолимой в мучительном восстановлении после своих кризисов и войн. Это также отмечает китайско-американский саммит в середине мая.

Трамп прибыл в Пекин с двумя незавершенными войнами: торговой войной против Китая и войной в Персидском заливе против Ирана. Цзинь Цаньжун, декан Школы международных исследований Жэньминь, считает, что трудности, с которыми столкнулись Соединенные Штаты в Ормузском проливе, витали над Запретным городом, как каменный гость. Вашингтон стал бы более осторожным в отношениях с Пекином, продемонстрировав пределы своей военной мощи в Персидском заливе. Кроме того, конфликт показал, что Китай в меньшей степени зависит от «Малаккской дилеммы», то есть от энергетических маршрутов, благодаря своим запасам нефти, внутреннему производству, наземным нефтепроводам и новым источникам энергии. Даже российские комментарии свидетельствуют о тщательном энергетическом планировании, указывая на то, что Пекин «готовится к серьезному военно-политическому кризису в следующем десятилетии».

Си Цзиньпин повторил призыв «преодолеть так называемую “ловушку Фукидида” и установить новую парадигму отношений между великими державами». Он напоминает о ставшем модным в американских дебатах образе Пелопоннесской войны между Афинами и Спартой, державой, бросающей вызов, и господствующей державой, обреченными на войну. По мнению *Financial Times*, Китай пытается представить себя как ожидающего, спокойного и уверенного в себе мирового лидера, что косвенно контрастирует с беспокойным американским президентом. Ключом Фукидида является фактор времени, который, по мнению Пекина, работает в его пользу. Однако даже “Wall Street Journal”, на противоположном фронте, считает, что разрядка напряженности в отношениях с Китаем была бы приемлемой, если бы она была направлена на «выигрыш времени» для перевооружения и реиндустриализации Америки, то есть на гипотезу о том, что *deregulation*, энергетическое преимущество и развитие искусственного интеллекта помогут противостоять упадку. Именно это Чжао Минхао, один из китайских комментаторов, увидел в американской NSS: США — «раненая сверхдержава, [которой] требуется время, чтобы снова стать могуществен-

ной». Таким образом, часть китайских оценок с подозрением относится к американской политике *appeasement*, которую считает тактической.

С другой стороны, аналогия с Афинами и Спартой предполагает равенство между двумя державами или, по крайней мере, условие соперничества в одной и той же орбите силы. Формулировки Си напоминают «отношения нового типа между великими державами», которые Барак Обама тогда отказался признать за Китаем. По мнению Шэнь И, решительного представителя Фуданьского университета в Шанхае, «подход стал приемлемым только тогда, когда соотношение сил укрепилось». Чжэн Юннань, сторонник инклюзивного многостороннего подхода из Китайского университета Гонконг-Шэньчжэнь, также признает стабилизацию результатом Китая: «Отношения, построенные на основе силы, являются наиболее надежными». Но для Чжэна саммит может положить начало «совершенно новому этапу», как только «будет признана объективная реальность того, что Китай и США де-факто сформировали G2», что является фактическим, а не политическим условием. После определения количественного соотношения необходимо понять, какая политика определяет качественное соотношение. Чжэн считает, что стабильность — это лишь предпосылка для построения нового международного порядка в будущем.

Пекин заявляет о построении «конструктивной стратегической стабильности» с Вашингтоном, позиционируя себя как стабилизирующую силу, противодействующую ускорению кризиса порядка, вызванному США. Для Ли Хайдун из Китайского университета международных отношений стабильность отношений — это «глобальное общественное благо», которое предлагает Пекин, демонстрируя, что он может обуздать импульсивного магната. Однако в китайских комментариях формула G2 рассматривается неоднозначно: с одной стороны, это возможность повлиять на США, с другой — это обременительное обязательство, которое, в свою очередь, может повлиять на Китай в отношениях с другими державами. Более того, противостояние между США и Китаем не может быть противостоянием двух сторон, как не было таковым противостояние между Великобританией и ее соперниками в двух мировых войнах. Перевооружение в Европе и Азии как раз и направлено на то, чтобы опровергнуть любые претензии на биполярность.

У Синьбо — ректор Института международных исследований Фуданьского университета в Шанхае, много лет возглавлявший Центр американских исследований; кроме того, как завсегдатай Министерства иностранных дел, он присутствовал на торжественном ужине, устроенном Си для Трампа. Мы уже давно следим за развитием позиции «стратегического самообладания», начиная с текста 2017 года «Китай и шахматная партия в Азиатско-Тихоокеанском регионе», который был ответом на «геополитику» Збигнева Бжезинского в «Большой шахматной доске». По мнению Ву, «неспособные сохранить свою первоначальную международную позицию, Соединенные Штаты делают более прагматичный стратегический выбор». Трамп считал, что заставит Китай пойти на уступки, но торговая война закончилась «мягкой посадкой»; если стратегическая стабильность сохранится в течение следующих

трех лет, это продлит окно возможностей и «даст время и пространство» для развития Китая.

Ву предостерегает от логики G2. Соглашение может быть тактикой затягивания времени, но также и удущающими объятиями: Вашингтон, похоже, понимает его как «гегемонистское совместное управление, направленное на ограничение Китая», в отличие от китайской позиции «равенства, но не совместного господства»; «Глобальный Юг» увидел бы в нем незаконную монополию великих держав; наконец, Китай нарушил бы баланс отношений с Европой, Индией и Бразилией.

По мнению Цзинь Цаньжуна, американское участие также является тактическим и служит США, чтобы «выиграть время для реорганизации». При ближайшем рассмотрении именно Вашингтон начал стратегическую атаку, частично активировав «ловушку Фукидида» на коммерческой почве; по мнению Цзиня, твердость Китая привела к «стратегическому тупику», который теперь подталкивает США к использованию концепции G2, создавая впечатление совместного управления, маскирующего конкуренцию за ресурсы в Латинской Америке и Персидском заливе, за контроль над проливами и рынками сбыта, вплоть до поддержки азиатского перевооружения для сдерживания Китая, на Филиппинах и в Японии.

Очевидна диалектика между Цзинь Цаньжуном из Пекина и Чжэн Юннанем из Гуанчжоу. По мнению Цзиня, «человечество вступает в глобальную версию периодов Весны и Осени [722–481 гг. до н. э.] и Сражающихся царств [453–221 гг. до н. э.]»; по мнению Чжэна, в его последней книге «Изменения и устойчивость», «современный мир вступает в эпоху больших перемен, сравнимую с европейским периодом между 1848 и 1945 годами». По мнению Чжэна, Китай должен проявлять стратегическую сдержанность, поскольку внешний мир и внутреннее развитие усиливают друг друга; Цзинь возражает, что «продолжение приоритета торговли над вопросами безопасности подрывает отношения Китая со средними державами, уязвимыми для американского давления». Мы видим, что даже китайскому Дракону приходится сталкиваться с идеологиями, которые стали реальными силами. «Вопреки тенденции к сферам влияния, — говорит Чжэн, — Китай по-прежнему неохотно идет на это и предпочитает “унаследовать” западный мировой порядок, поддерживая торговлю и глобализм». «Избегая открытых альянсов, — пишет Цзинь, — необходим тактический поворот от умеренного прагматизма к более активной роли “доброжелательного гегемона”».

Сдержанность Дэн Сяопина обеспечила стратегическое прикрытие внутреннего компромисса, позволившего Югу воскликнуть: «Обогащайтесь!»; отказ от сдержанности является выражением объективной проекции силы. Однако в «пяти озерах и четырех морях», ключевых районах Китая, по формуле Дэн Сяопина, существует множество линий. Чжэн в своей книге видит риск беспрецедентной войны в Азии; Цзинь в своих статьях документирует подготовку Китая к войне. Нет никаких претензий на стабилизацию, которая ускользает от двух простых истин кризиса порядка: перевооружение затрагивает все политические течения буржуазии, и империализм не в состоянии сохранить мировой порядок.

Lotta comunista, май 2026 г.

Пекин у станка

Китайский шок 2.0. Это означает, что Пекин уже давно не является *мировой фабрикой* только по производству футболок, обуви, холодильников или ноутбуков. В то время как его капиталы, направляемые за рубеж по «Поясу и пути», превышают 1 трлн долларов, Китай поднялся в цепочке создания стоимости к более технологичной и сложной продукции. Это показывает мировая битва автомобильной и электроавтомобильной промышленности, где китайский экспорт достиг семи миллионов машин.

Последствия *первого шока* не были преодолены вовсе; реакция на американскую деиндустриализацию — одна из сил, приведших в Белый дом хаотичного зазывалу. Сегодня Европа — эпицентр *второго шока*. Среди крупных групп, их лобби и партий — всё в лихорадочном поиске того, что делать. С одной стороны, растут протекционистские настроения. С другой — те, кто пустил корни в Китае, как Volkswagen и другие немецкие автогиганты, если сначала они взялись *производить в Китае для Китая*, то теперь производят в Китае на экспорт. Другие меры — обоюдоострые: хотят ввести квоту на европейское происхождение компонентов производства, но это подтолкнёт китайские группы к размещению в Старом Свете. Такой путь, взвешенный немцами и выбранный франко-итало-американцами из Stellantis, которые ведут переговоры о соглашениях с Dongfeng, Leapmotor и BYD во Франции, Испании и Италии. Есть и сомневающиеся: это всё равно что пригласить волка в овчарню.

Значит, Пекин у станка, но также китайский капитал в Европе и европейский капитал в Китае. Такое переплетение не может не создать свои лобби и свои течения в общественном мнении, так говорит марксизм. Как существует *американская партия*, сопротивляющаяся *атлантическому кризису* благодаря более чем 5 трлн долларов взаимных инвестиций между двумя берегами Океана, как существует *русская партия*, стремящаяся восстановить с Москвой обмен капиталами, газом и нефтью, никогда полностью не прерывавшийся, так же неизбежно должно оформиться *китайская партия*. В конце концов, это уже отражается в большой политике силовых отношений. Китай двойственно относится к G2, биполярной гегемонии с Соединёнными Штатами, именно чтобы избежать того, чтобы образ кондоминиума между Пекином и Вашингтоном подорвал отношения с новыми державами Глобального Юга и с ЕС.

Китай у станка, конечно, и это ничего не меняет в антагонизме между капиталом и наёмными работниками. Но пролетарии должны осознавать все переплетения и все связи мирового капитала, иначе их накроет или захватит. Марксистская наука необходима для классовой автономии.

Нынешняя международная напряжённость, влияющая на цены на энергоносители и поставки, усугубляет положение производственной системы, особенно в Европе, уже давно вовлечённой в процессы *тройной* реструктуризации: электрической, цифровой и откровенно военной.

Среди множества затронутых промышленных секторов автомобильный снова в центре циклона, и Германия остаётся его фокусной точкой: ведущая немецкая автомобильная группа Volkswagen, соответственно, в центре противостояния.

В конце 2024 года IG Metall подписала с руководством VW так называемое *рождественское соглашение*, уже само по себе тяжёлое: оно предусматривало сокращение 35 тысяч работников к 2030 году, чтобы снизить производственные мощности на 734 тысячи единиц в год; для этого должны были закрыться некоторые производственные линии, но не целые заводы. С тех пор собственники — семья Порше-Пиех — неоднократно требовали начать сокращение большего масштаба. И сегодня на повестку дня встало именно закрытие целых заводов.

В марте группа VW объявила, что сокращение рабочих мест вырастет до 50 тысяч, добавив к уже названным ещё 15 тысяч работников в брендах Audi, Porsche и в софтверном подразделении Cariad. Под угрозой четыре завода: два VW (Эмден и Цвиккау), один завод коммерческих автомобилей (Ганновер) и один Audi (Неккарзульм), которые руководство сочло *слишком затратными*.

Если это хроника, то два соображения помогут указать знамения времени, которые содержатся в этих фактах.

Китай и оружие — знамения времени

Первое — это отношения с Китаем. Volkswagen был первым европейским предприятием, инвестировавшим в азиатскую страну, привнеся туда свои технологии. Теперь главный вызов западной автомобильной промышленности исходит из Китая. Генеральный

директор группы Оливер Блюме предупреждает, что «Китай строит свою автомобильную промышленность и навёрстывает технологическое отставание быстрее, чем считалось возможным» («Handelsblatt», 11 марта).

Роли поменялись: теперь немцы приглашают китайцев инвестировать в заводы VW в Германии, чтобы загрузить неиспользуемые производственные мощности. Об этом же намекнул сам Блюме, представляя квартальные данные в апреле, пишет «Handelsblatt» от 11 мая; и Торстен Грёбер, глава IG Metall в Нижней Саксонии, вернувшийся из командировки в Китай, «не исключает полностью такую возможность».

Другое знамение времени — возобновление военного производства на фоне проблем автопрома. Переход работников, вытесняемых из одного сектора в другой, теперь почти приветствуется. Флориан Хоэнвартер, с апреля генеральный директор KNDS Deutschland, объединения оборонных групп Krauss-Maffei Wegmann (немецкой) и Nexter (французской), сам олицетворяет эту «эволюцию», проработав почти двадцать лет в Mercedes. Теперь он предлагает это как решение проблемы нехватки рабочей силы в военном производстве: обучение новых сотрудников потребовало бы слишком много времени, тогда как «можно сделать гораздо быстрее с уже существующей фабрикой: сплочённая команда, возможно из автомобильной промышленности, была бы идеальна; мы это обсуждаем» («Handelsblatt», 23 апреля).

Европейские процессы

Эти две тенденции — разворот отношений с Китаем и возможный поток сотрудников из автопрома в военную промышленность — из Германии перешагивают через Альпы и Рейн. Из Италии FIOM также направила делегацию для изучения китайских автомобильных заводов. Она сделала вывод, что китайцы «больше не воспроизводят наши модели, они инновационны и теперь являются драйверами перемен». Отсюда и «рецепт»: «Нужно привлекать

инвестиции, иначе мы останемся с протянутой рукой собирать крохи» («il Fatto Quotidiano», 12 мая). Помимо случаев Германии и Венгрии, речь идёт о соглашении Stellantis с китайской Leapmotor об инвестициях в Испании — типе инвестиций, который Stellantis мог бы воспроизвести в Кассино и Помпьяно.

Что касается оборонного сектора, немецкая тенденция повторяется во Франции. Там этот сектор также быстро растёт: к 2026 году Thales планирует 9 000 наймов, Naval Group — 1 200 плюс 900 стажёров и учеников, MBDA — 900 новых сотрудников. Но 40% компаний сообщают о трудностях из-за нехватки рабочей силы для выполнения заказов («Le Monde», 20 февраля). На другом фронте автопром и компоненты сокращают, и идея перехода из одного сектора в другой скоро навязется.

Профсоюзные отражения

Возвращаясь к Германии, реструктуризация автопрома имеет последствия и в профсоюзной сфере. В марте прошли выборы в производственные советы (Betriebsrat). Первый факт: на Volkswagen в Вольфсбурге разыгрывалось 67 мест, то есть на 6 меньше, чем в 2022 году, поскольку с тех пор число сотрудников сократилось почти на 7 000 человек — до 61 300; это уже одно из последствий реструктуризации. Что касается результатов, IG Metall остаётся крупнейшим профсоюзом с большим отрывом, хотя и теряет (с 86% до 75% голосов). Здесь не участвовал список профсоюза, близкого к *Альтернативе для Германии* — Zentrum. Его влияние подтверждается прежде всего в восточных землях. На западе он сохраняет вес на Mercedes, где этот профсоюз возник и где он поднялся с 7 до 9 мест против 31 у IG Metall. В конечном счёте «официальный» профсоюз пока не заплатил слишком высокую цену за цикл реструктуризации.

Совсем другая история на заводе Tesla, построенном Илоном Маском в Бранденбурге. Здесь, в том числе из-за неоднократных антипрофсоюзных действий руководства,

IG Metall всегда было трудно утвердиться. Теперь единый оппозиционный список (Giga United) победил с 40,4% голосов, опередив 31% IG Metall, получив 16 мест против 13. Следует отметить новинку — список Polska Inicjatywa Giga, обращённый к польским работникам (пятая часть от общего числа), который выдвинулся с целью выразить *польский голос* на фабрике и получил 3 места. Это тоже знамение времени.

Экономическая газета «Handelsblatt» (6 марта) дала более широкое толкование голосованию: «*Это больше, чем просто поражение на выборах для IG Metall, это триумф авторитарного капитализма Кремниевой долины над немецкой культурой Mitbestimmung*», то есть соучастия в управлении. И заключает с жестокостью: «*Годы назад Маск сказал, что хочет умереть на Марсе; не можем пожелать ему этого, главное, чтобы он улетел поскорее*».

Сознание противоречий

На рынке труда отражаются противоречия капитализма в их глобальном измерении. С одной стороны, растущая нехватка рабочей силы, связанная с демографическими тенденциями, которую даже иммиграция не может полностью покрыть. С другой — процессы реструктуризации выталкивают работников или, по крайней мере, угрожают это сделать. Если автопром — показательный сектор, то он не единственный, как показывает в Италии история Electrolux с объявлением о 1700 сокращениях. Мы также знаем, что переток работников из избыточной отрасли в дефицитную — не линейный и тем более не мгновенный процесс.

Результатом является сочетание двух давлений: с одной стороны — требование повышения зарплат, с другой — защита шаткого рабочего места. В целом остаётся цикл оборонительной борьбы. Именно в этих сложных условиях необходимо укреплять профсоюзное и, прежде всего, политическое сознание класса.

Lotta comunista, май 2026 г.